

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКОГРАФИИ И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

© 2015. Р. И. Розина

Раиса Иосифовна Розина – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, ул. Волхонка, 18/2
raroza@yandex.ru

Russian Everyday Speech Through the Lens Lexicography and Versus English Speech

© 2015. Raisa I. Rozina

Doctor of Philological Sciences, Professor, Distinguished Researcher at The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 18-2 Volkhonka Str., Moscow 121069, Russia
raroza@yandex.ru

Статья посвящена выявлению наиболее важных (коммуникативно значимых) семантических полей и тематических классов русской разговорной лексики. Попутно рассматриваются некоторые особенности синонимии и антонимии разговорных значений. Сопоставление с английским языком позволяет увидеть национально-культурную специфику разговорной речи.

The article is concerned with the analysis of the most communicatively relevant semantic fields of Russian everyday speech, as well as some peculiarities of synonymy and antonymy of colloquial word meanings are considered. Comparison with English everyday vocabulary illuminates cultural differences between speakers of Russian and English respectively.

Ключевые слова: разговорная речь, разговорная лексика, сленг, семантическое поле, синонимия, антонимия, сопоставительный анализ, межкультурное сопоставление, русский язык, английский язык.

Key words: everyday speech, everyday words, colloquial words, slang, semantic field, lexical class, semantic transition, semantic extension, synonymy, antonymy, language and society, crosscultural comparison, contrastive analysis, Russian, English.

Интерес к изучению русской разговорной речи не стихает с тех пор, как немногим более 40 лет назад вышла в свет коллективная монография “Русская разговорная речь” [1]. Роль этой книги в развитии отечественной лингвистики невозможно переоценить. Её появление было результатом открытия, автором которого был М.В. Панов, что разговорная речь – не свалка неправильных форм, синтаксических конструкций, сниженной лексики и окказионализмов, а особая подсистема русского языка², которой владеют и

пользуются в повседневном общении носители его литературного варианта.

В отдельных главах книги был описан целый ряд системных особенностей русской разговорной речи – в частности, характерные для нее номинации по функции, например, *открывалка* 'консервный нож', *запивка* 'любая жидкость, которой запивают еду'; стремление к созданию конденсатов, с одной стороны, т.е. к замене словосочетаний однословным обозначением, например, *методичка* 'методическое пособие', *читалка* 'читальный зал', *Ленинка* 'Библиотека им. Ленина', а с другой стороны, тенденция к созданию расчлененных наименований типа “*Дай, чем писать*” вместо “*Дай ручку*”; гораздо более свободное, чем в литературном языке, использование метонимии при образовании окказиональных обозначений, например “*Острая боль / идите / уже свобод-но*” – вполне серьезное обращение к больному,

¹ Статья написана в рамках проектов “Лексикографическое представление современной русской разговорной речи” (грант РГНФ № 14-04-00263) и “Типы и механизмы семантических переходов в глаголах и отглагольных именах” (грант РГНФ № 14-04-00604а), поддержанных Российским гуманитарным научным фондом.

² “Мнение о том, что РР [разговорная речь] представляет собой особый язык, высказал М.В. Панов на заседании Сектора современного русского языка 14 марта 1967 года” [2, с. 9].

пришедшему с острой зубной болью в поликлинику [1, с. 434], размытость (“диффузность”) значений, которая снимается только контекстом [3, с. 155–158], например *жахнуть* ‘с силой ударить’ (*жахнул трубой по стеклу*), ‘выстрелить, издав громкий звук’ (*жахнул из ружья*), ‘выпить спиртного залпом’ (*жахнем коньячку*), и многое, многое другое.

Сейчас в Отделе современного русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН коллективом авторов³ под руководством Л.П. Крысина составляется “Толковый словарь русской разговорной речи” (далее ТСРР), который может стать еще одним шагом в исследовании разговорной речи⁴. Благодаря полноте словника и структуре словарной статьи, последовательно характеризующей слово по ряду параметров, ТСРР позволяет получить детальную информацию о разговорном слове – о его семантических, грамматических, стилистических свойствах, о его парадигматических связях и об особенностях его функционирования в социуме. Какие же новые знания о русской разговорной речи можно получить на его основе?

Прежде всего, Словарь позволяет увидеть, что во многих случаях лексика разговорной речи описывает не только внешний мир, но и субъективное мнение говорящего о внешнем мире. Когда в повседневном общении человек называет еду *жратвой*, это не значит, что она обязательно плохая. Это может быть сказано даже о праздничном застолье – в том случае, если говорящий считает, что во время праздников едят слишком много, как в следующем примере из письма женщины, которая хочет похудеть:

Я пока к Малышевой⁵ не приближаюсь / подожду октября / когда Ш. улетит/ уедут мальчишки / а главное – кончатся праздники со своей *жратвой* // (авг. 2013)⁶.

Составителям пришлось сознательно избегать появления в толкованиях компонента ‘по мнению говорящего’, потому что иначе его можно было

³ М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занаворова, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина.

⁴ О принципах составления Словаря и структуре словарной статьи см. [4, с. 11–22] и [5].

⁵ Имеются в виду советы ведущей телепрограммы “Здоровье” Елены Малышевой.

⁶ В качестве источников иллюстративного материала в данной статье использовались записи устной речи, личные письма, Национальный корпус русского языка, в частности его устный подкорпус, блоги и форумы, доступные в Интернете.

бы писать почти в каждом толковании, как, например, в следующем:

ДЕБИЛ.

DEF: об очень глупом, несообразительном человеке или о ком-л., кто, **по мнению говорящего**, ведет себя подобно такому человеку. *Дебил* – это так прозвали в школе его сына, Ваську, второгодника, оттого шалопая (В. Шукшин. Дебил); *Ты ему ногу своим топором отрубил! Дебил!* (Д. Липскеров. Последний сон разума); *Заткнись, дебил!* (Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин).

Словарь позволяет составить детальное представление о лексическом составе русской разговорной речи. В центре ее – человек. Сосредоточенность разговорной речи на человеке отмечалась и раньше, но ТСРР позволяет увидеть, что некоторые сферы жизни и ряд личностных характеристик человека привлекают особое внимание говорящих в силу, по-видимому, той важной роли, которую они играют⁷. Назовем их “областями напряжения”, или коммуникативно значимыми областями⁸. По отношению к ним возникает особенно большое количество разговорных слов и значений, и именно в этих областях наиболее развита синонимия.

Коммуникативно значимые области разговорной речи

Человек

По данным “Русского идеографического словаря” [7] основные концепты мира человека – жизнь, СМЕРТЬ, СОН, ДУША, Я, СОВЕСТЬ, ДОБРОТА, ЖАЛОСТЬ, ЗЛОБА, СТЫД, ЛЕНЬ, СМЕХ, СТРАХ, ХМЕЛЬ, УМ, ПАМЯТЬ и ГЛУПОСТЬ. Разговорная речь реализует лишь некоторые из них, но некоторые и добавляет к этому списку.

Внешность человека

В разговорной речи отмечают те характеристики внешности человека, которые бросаются в глаза, потому что выходят за грань средней нормы. С одной стороны, внимание говорящих привлекают большие люди – очень крупные и сильные, для которых используются такие номинации, как *амбал*, *бегемот*, *бык*, *верзила*, *верста*, *горилла*, *детина*, *дубина*, *жеребец*, *лоб*, *медведь*, *шкаф* или высокие и худые (*жердь*, *жираф*, *каланча*, *оглобля*), а с другой – маленькие и тщедушные (*заморыш*, *замухрышка*, *клоп*, *оголец*, *пигалица*,

⁷ Ряд этих областей перечислен в [6]; там же рассматриваются парадигматические отношения между лексемами этих областей.

⁸ Термин предложен Л.П. Крысиным.

шибздик, шмакодявка, шпингалет)⁹. При этом положительной оценки не получают ни большой размер, ни маленький. Большой размер ассоциируется с тупостью (*амбал, дубина, лоб, икаф*), с внешней непривлекательностью (*бегемот, горилла*) и с сексуальной расторможенностью (*жереребец*), а маленький неотделим от представления о физической слабости, которая вызывает презрение. Существуют еще и специализированные слова, обозначающие физически слабого человека независимо от его роста и комплекции и тоже уничижительные: *дохляк, дохлячка, слабак, хилак*. Исключение составляют те случаи, когда речь идет о детях: такие слова, как *мальш, малютка, малышка, пуговка*, выражают положительную оценку; слово *клоп* (о маленьком мальчике) употребляется шуточно.

Разговорная речь обращает внимание и на органы и части тела человека, своим размером превосходящие норму, например *глазищи, носяра*; целый ряд прилагательных делает наличие таких частей тела у человека главной характеристикой его внешности: человек может быть *бровастым, глазастым, головастым, грудастым, губастым, жопастым, задастым, зубастым, лобастым, лопухим, мордастым* или *мордастым, носастым* или *носастым, пузатым, рукастым, сисястым, ушастым, щекастым*. В разговорной речи есть и обозначения органов и частей тела значительно меньше нормы (*глазёнки, зубик, зубок, ручонка, ножонка*), но образованные от них прилагательные, характеризующие внешность человека, отсутствуют.

Интеллект

Из особенностей человека, не являющихся физическими, разговорная речь уделяет очень большое внимание уровню интеллекта, точнее, глупости и тупости. Низкий уровень интеллекта вызывает раздражение и презрение говорящих. Глупые люди описываются огромным количеством слов: *балбес, балда, баран, бестолочь, болван, валенок, дебил, дебилка, деревня, дуб, дубина, дундук, дура, дурак, дурачок, дурень, дурила, дурища, дурулом, дурушлёп, дурында, идиот, кретин, лапоть, осёл, сапог, сундук, тундра, тупица, утюг, чалдон*.

Слов, противоположных по значению, т.е. номинаций или характеристик людей с высоким интеллектом, в разговорной речи крайне мало. Это *головастый, молоток* ‘человек, который быст-

ро всё *сечет* (понимает)’ и *умник*. Но очень показательно, что слово *умник* в разговорной речи употребляется иронически, равно как и прилагательное *умный* в клишированном высказывании: ‘Такие *умные* все стали!’ (председатель дачного садового товарищества о его членах, отказывающихся платить незаконно требуемые с них взносы) и в его варианте ‘Слишком *умные* все стали!’ Ср. также: – *Умник* нашёлся!

Глагол *умничать*, производный от имени прилагательного, тоже выражает отрицательную оценку, ср.:

Хочешь быть любимой, не надо умничать... Глупить, ДА... Женская глупость вселяет мужчине уверенность... (Блоги, 2014) Ах/ так ты умный!.. – Умный// – Ты смотри/ как бы тебе кто-нибудь вскорости не дал бы по шее// Тогда будешь знать/ как умничать// (к/ф ‘Я шагаю по Москве’, 1963); Вы заметили, как часто родители одергивают детей, да и подростки тоже. Не умничай, не твоего ума дело... получается, мыслить и выражать свое мнение стыдно (Интернет-форум, 2011).

Возможно, что отношение к *умным* и ‘умничанью’ отражает насаждавшееся в обществе советской властью отношение к интеллигенции как к ‘прослойке’, менее ценной и уважаемой, чем рабоче-крестьянский класс.

Наряду с ‘умничаньем’ разговорная речь придает и ловкость и оборотистость в делах, ср.: *жош, жук, жучара, жучила, жучина, ловкач, ловчила, мазурик, пройдоха, проныра, прохиндей, прощельга, хитрец, хитрован, хитрюга, шаромыга, шаромыжник*.

Эмоции

Из эмоций человека в разговорной речи особое внимание уделяется двум: ГНЕВУ и СТРАХУ.

Человека можно довести до сильного гнева: *взбесить, обозлить, распалить, довести до белого каления, разбудить (в ком-л.) зверя*. В результате человек может *взбелениться, взвиться, взбеситься, взорваться, взъерепениться, взъяриться, вскинуться, вскипеть, обозлиться, остервенеть, разъяриться, раскипиться, распалиться, дойти до белого каления, лопнуть от злости*. Как видно, сильный гнев описывается в разговорной речи через его физические симптомы – это либо резкое повышение температуры (*вскипеть, раскипиться, распалиться, дойти до белого каления*), либо резкое движение вверх (*взвиться, вскинуться*) и выход за пределы физического тела (*взорваться, лопнуть от злости*).

⁹ В приводимых здесь лексических рядах и примерах присутствуют, помимо слов, имеющих в словарях литературного языка помету *разг.*, жаргонизмы, просторечие и сленг.

Гнев вызывает вербальную реакцию – ругань – направленную на другого человека: его можно *изматерить, пробрать, пропесочить, распатронить, распечь, задать головойку, намылить ему шею, распушить, расчихвостить*.

Страх описывается в разговорной речи почти исключительно через его самые низменные физические проявления: *надуть в штаны, накласть в штаны, наложить в штаны, обделаться, обкакаться, поджечь хвост, сдрейфить, струхнуть, уделаться*. Все эти слова выражают презрение говорящего к тому, кто испытывает сильный страх, например:

“– Да ты лучше скажи, – крикнул Тендел со своего места, – здорово ты **наложил в штаны**, когда Большеусый глянул на тебя? – Трухнуть трухнул, а так ничего, – серьезно ответил дядя Сандро. – Жалко, что он не вспомнил нижнечегемскую дорогу, а то бы ты **полные штаны наложил!**” крикнул Тендел под обидный хохот (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

– Я потом хотел/ я б их это... – Геройски обезвредил. – Честное слово! Просто лейтенант/ он тоже молодец/ но если б не лейтенант/ я бы потом... – Штаны сменил? – Зачем? – Ты даже не обделался? Уу... Так ты у нас вообще герой!

(К/ф “На безымянной высоте”, 2004).

Страх описывается через его физические симптомы не только в русском, но и во многих других языках мира (см., например [8] и [9]), причем скатологическая направленность, сосредоточенность на отправлениях физического низа человека, характерна именно для разговорной речи, в то время, как в литературном языке страх описывается через нарушение или, наоборот, избыточность функционирования других частей тела человека: *язык заплетается от страха, сердце замирает, язык прилип к гортани*, от страха человек *обливается холодным потом, сердце у него колотится* [10] – или через ощущение холода [11]. В английском литературном языке, по данным Британского национального корпуса¹⁰, страх описывается, главным образом, через такие симптомы, как дрожь всего тела или только рук (*shiver with fear* ‘трястись от страха’, *shake with fear* ‘дрожать от страха’, *hands tremble with fear* ‘руки дрожат от страха’); через оцепенение (*immobilise with fear* ‘потерять способность двигаться от страха’, *stricken with fear* ‘пораженный страхом’, *paralyzed with fear* ‘парализованный страхом’,

rigid with fear ‘окаменевший от страха’); через изменение глаз (*eyes wide with fear* ‘глаза, расширенные от страха’, *hollow-eyed with fear* ‘с глазами, ввалившимися от страха’), изменение цвета лица, связанное с тем, что от лица отливает кровь (*grey / white / pale with fear* ‘серый / белый / бледный от страха’), ощущение холода (*cold with fear* ‘похолодевший от страха’) или попеременного жара и холода (*turn hot and cold with fear* ‘бросать то в жар, то в холод’). В английской разговорной речи страх может описываться, так же как в русской, через неконтролируемое функционирование телесного низа, например: *It still scares the shit out of me* ‘Это до сих пор так меня пугает, что я **обделываюсь**’ (A. Martin. Walking on water), или наоборот через прекращение функционирования, например *To fight for King and Country; to keep a stiff upper lip and a devil-may-care sangfroid, no matter if he were scared shitless* ‘Сражаться за Короля и Страну, посылать всё к чёрту, сохраняя невозмутимое выражение лица и присутствие духа, даже если бы он был перепуган так, что его **заперло**’ (E. Nash. Strawberries and wine). Нужно отметить, однако, что репертуар “низких” слов, описывающих симптомы страха в русской разговорной речи значительно богаче, чем в английской.

Занятия

Выпивка

Одно из самых наполненных семантических полей русской разговорной речи – это выпивка. Причины интереса к этой области жизни, естественно, объясняются особенностями русской культуры, в которой выпивка и вообще застолье занимают очень важное место. Застольем принято отмечать все более или менее важные события в жизни человека. Покупку новой вещи, получение награды, продвижение по службе нужно обязательно *обмыть* или *вспрыснуть*¹¹. Известен обычай разбивать бутылку шампанского о

¹¹ **ВСПРЫСКИВАТЬ, вспырнуть** ...шутч. Пить, пировать за здоровье получившего чинь; *Обмыть копыта новокупке, выпить литки, могарычи* [12]; ср. **Обмыть копыта** (послѣ продажи коня). Ср. также: *Они уж вспырнули победу испуленную водкою* (Бестужев-Марлинский. Латник, 1832); *При пожелании счастья будущей чете, вспырнули их шампанским* (Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие, 1856); Только вот что: **вспрыснуть** нашу сделочку требуется, – это уж как угодно! (Салтыков-Щедрин. Пестрые письма, 1884–1886); *И так, сказав председателю, когда все было кончено, остается теперь только вспырнуть* покупочку (Гоголь. Мертвые души); *В тот день, когда я совершил преступление, один из знакомых графа, господин Лбов, пригласил всю компанию в ресторан вспырнуть* полученное им наследство (А.И. Куприн. Чужой хлеб, 1896).

¹⁰ British National Corpus (BNC) (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>)

борт корабля при его спуске на воду. В XIX веке у гусар было принято, отмечая выпивкой получение ордена, опускать его в бокал с вином; и по сей день военные, сохранившие этот обычай, опускают в стакан с водкой очередную звёздочку офицера. Выпивка в России сопровождается присловьями:

Первая колом, вторая соколом.

Между первой и второй – перерывчик небольшой, Ну а меж второй и третьей – перерыв едва заметен...

Лексика русской разговорной речи называется все компоненты ситуации выпивки: застолье (*вечеринка, выпивка, выпивон, гулянка, тирушка, попойка, посиделки, пьянка, сабантуй*), алкоголь, само действие принятия алкоголя, состояние в которое приходит выпивший, и людей, которые много или постоянно пьют. Много обозначений алкоголя: спиртные напитки вообще (*бухало-во, бухло, выпивка, выпивон, горячее, заправка, рубило, спиртное*), водка (*белая, беленькая, блондинка, вода, водовка, водяра, горькая, зелье, сучок...*), виски (*вискарь*), пиво (*пивасик, пивон, пивчанское, пивчик*), дешевое некачественное вино (*бормотуха*), портвейн (*портвешок, портянка*), самогон (*спотыкач*)¹², шампанское (*шампольон, шампунь, шампур, шампусик*), газированные спиртные напитки (*вырвиглаз, сидор* – искажение литературного *сидр* – из франц. *cidre*) и др. Очень велико количество глаголов, описывающих процесс выпивки. Здесь мы сталкиваемся с одной особенностью русской разговорной речи, которая одновременно представляет трудность для лексикографа. Дело в том, что все попытки описать семантические различия между этими глаголами обречены на провал. Мы имеем дело с почти абсолютными синонимами, например, *ахнуть, бухнуть, вмазать* и ряд других ‘выпить одним глотком’, *глушить* и *жрать* водку ‘пить много’. Смысл такой развитой синонимии, по-видимому, – просто в том, чтобы разнообразить речь, поскольку в России не только много пьют, но и много говорят о выпивке.

Можно выделить две группы глаголов – глаголы, описывающие разовое действие (*ахнуть, бухнуть, вмазать, врезать, дербалызнуть, дерябнуть, дёрнуть, долбануть, жахнуть, загрузиться, заложить, замахнуть, зашибить, кирнуть, клюкнуть, махнуть, накатить, опрокинуть, поддать, принять, раздавить, тяпнуть, хватить, хлобыстнуть, хлопнуть, хряпнуть...*), и глаголы, описывающие длительный процесс выпивания или хроническое пьянство (*бухать, глушить, гу-*

деть, жрать, закладывать (за воротник), заливать, зашибать, квасить, керосинить, кирать, лакать, стаканить, хлебать, хлестать). Глаголы первой группы, в основном, имеют значение ‘выпить одним глотком’. Для ряда глаголов этой группы (*ахнуть, бухнуть, вмазать, врезать, долбануть, жахнуть, тяпнуть, хватить*) характерен семантический переход¹³ ‘ударить – выпить’. Во второй группе выделяются глаголы, имеющие значение ‘пить много’ (*глушить, жрать, стаканить, хлебать, хлестать*) и ‘пить много и долго’ (*квасить, гудеть*). Результат выпивки описывают глаголы, прилагательные и фразеологизмы: глаголы – принятие большого количества алкоголя и, как следствие, сильную степень опьянения (*набраться, нагрузиться, надраться, надрызгаться, нажраться, назюзюкаться, накиряться, нализаться, налимониться, нахлебаться, нахлестаться* и др.); прилагательные *бухой, бухлый, косой, поддаый, убитый* констатируют состояние опьянения; фразеологизмы, построенные по формуле ‘пьяный в X’ (*пьяный в стельку / в зюю / в сиську...*) – тяжелую степень, а фразеологизмы, построенные по формуле ‘под X-ом’ и некоторые другие – легкую степень опьянения (*под газом, под градусом, под мухой, под парами, под хмельком, в подпитии, на взводе*). Несмотря на популярность выпивки, хронический алкоголизм и тяжелое опьянение порицаются: все слова, называющие алкоголиков (*алкаш, алик, алконавт, выпивоха, забулдыга, пропойца, пьянчуга, пьянчужка, пьянь*), имеют в своем значении отрицательную оценку.

Посмотрим теперь, насколько такая развитость семантического поля выпивки характерна именно для русской разговорной речи.

В английской разговорной речи глаголов, обозначающих ВЫПИВКУ, гораздо меньше, чем в русской¹⁴: это *bevvy, booze, lush, tittle, tope, indulge* и *swig*. Образование этих глаголов не связано с семантическим переходом: *bevvy* (редк.) – глагол, образованный усечением в сочетании с суффик-

¹³ Термином “семантический переход” как более широким, чем термины “полисемия” и “семантическая деривация”, я пользуюсь вслед за Анной А. Зализняк [13].

¹⁴ Списки слов составлялись на основе тезауруса [14]. Из этого и других списков исключены слова с пометой, свидетельствующей об ограниченности их использования каким-либо территориальным вариантом английского языка, т.е. использующиеся только в британском, только в американском, австралийском, новозеландском и т.п. вариантах. В то же время в список включались слова с пометой, указывающей на преимущественное, но не исключительное их использование в каком-либо из вариантов, например, *slang, mainly US & Canadian* ‘сленг, преимущественно американский и канадский’.

¹² В прошлом так назывался сорт дешевого красного вина.

сацией от существительного *beverage* ‘напиток’; синонимичные глаголы *booze* и *swig* ‘пить алкоголь быстро и большими глотками’, а также *lush* (сленг) ‘пить много’¹⁵, образованы по конверсии от существительных *booze*, *lush* и *swig* ‘алкогольный напиток’. Глаголы *tipple* ‘пить спиртное часто, но понемногу’, ср. русск. *попивать* и *топе* ‘пить много’ – непроизводные, возможно заимствования.

Разговорных и сленговых обозначений алкогольных напитков в английском языке тоже совсем немного по сравнению с русским: *juice* букв. ‘сок’, *booze* букв. ‘выпивка, спиртное’, *bottle*, букв. ‘бутылка’, *the hard stuff* букв. ‘крепкая субстанция’, *Dutch courage* букв. ‘голландская храбрость’, *hooch* (*hootch*) ‘алкогольный напиток, обычно виски низкого качества или полученное незаконным путём’¹⁶, *lush* (сленг) ‘алкоголь’, *falling-down juice* (сленг), букв. ‘сок, от которого падают’, *nip* ‘небольшое количество алкоголя’.

Несколько лексем используется для обозначения алкоголика: это *soak* (от глагола *to soak* ‘пропитать жидкостью’), *lush* (сленг) от существительного *lush* ‘спиртное’ и *wino* от *wine* ‘вино’.

Совсем другая картина возникает, если обратиться к английским прилагательным. Их очень много: *intoxicated* букв. ‘находящийся в состоянии интоксикации’¹⁷, *loaded* (сленг, преимущественно канадский и американский), букв. ‘загруженный’, *tight* ‘навеселе, под мухой, на взводе’, букв. ‘натянутый’, *canned* (сленг), букв. ‘законсервированный’, *flying* (сленг), букв. ‘летающий’, *bombed* (сленг), букв. ‘разбомбленный’, *stoned* (сленг), букв. ‘побитый камнями’, *wasted* (сленг), букв. ‘растраченный понапрасну’, *smashed* (сленг), букв. ‘разбитый’, *hammered* (сленг), букв. ‘убитый, побитый молотком’, *steaming* (сленг), букв. ‘дымящийся, испускающий пар’, *wrecked* (сленг), букв. ‘разбитый, потерпевший аварию’, *soaked*, букв. ‘промокший, пропитанный’, *out of it* (сленг), букв. ‘вне’, *plastered*, букв. ‘штукатуренный’, *blitzed* (сленг), букв. ‘стукнутый’, *boozed-up* (сленг), букв. ‘наспиртованный’, *lit up* (сленг),

букв. ‘освещенный’, *stewed* (сленг), букв. ‘тушёный’, *pickled*, букв. ‘маринованный’, *bladdered*, *pissed* (*slang*) ‘описавшийся’, *under the influence*, букв. ‘под воздействием’, *sloshed* (сленг), букв. ‘забрызганный’, *tipsy* ‘навеселе, подвыпивший’, *maudlin*, букв. ‘слезливый, плаксивый’, *well-oiled* (сленг), букв. ‘хорошо смазанный’, *legless* ‘безногий’, *paralytic* ‘парализованный’, *mullered* (сленг), букв. ‘размазанный’ *trashed* (сленг), букв. ‘никчемный, такой, которому место на свалке’, *tiddly* (сленг), букв. ‘нетвердо держащийся на ногах’, *zonked* (сленг), букв. ‘ошалевший, одурманенный’, *blotto* (сленг) ‘вдребезги пьяный, одурманенный’, от *blot* ‘ставить пятна, грязнить’ или от *blotter* ‘промокашка’, *fuddled* ‘подвыпивший’, *tanked up* (сленг) ‘накачавшийся пивом’, букв. ‘наполненный до краев’, *pie-eyed* (*slang*), букв. ‘с глазами, как пироги’, т.е. с расширенными зрачками¹⁸.

Оказывается, что хотя слова, связанные с выпивкой, занимают значительное место как в русской, так и в английской разговорной речи, в центр внимания в каждом из этих языков попадают разные её аспекты. Это ясно позволяет увидеть сравнение количества слов в каждом тематическом классе, отраженное в следующей таблице:

	алкоголик	алкоголь	пить / напиться допьяна	пьяный
Русский язык	9	более 3	более 40	5
Английский язык	3	7	6	более 30

В русской разговорной речи имеется явный “крен” в сторону обозначения спиртных напитков и их поглощения, в то время как в английской – “крен” в сторону описания состояния опьянения. Особенность русских глаголов, описывающих употребление алкоголя, – в том, что у части из них (у глаголов, имеющих значение ‘пить долго и много’ и у глаголов, описывающих состояние опьянения, наступившее в результате употребления большого количества алкоголя, например, *надраться*, *назююкаться*), есть коннотация отрицательной оценки. Английские глаголы, независимо от того, описывают они ситуацию употребления большого или малого количества алкоголя, такой коннотации не имеют. Между тем, почти все ан-

¹⁵ Значения слов устанавливались по словарям [15], [16], [17].

¹⁶ Усечение от *Hutchinoo*, названия индейского племени, делавшего этот напиток.

¹⁷ Большей частью подобрать этим прилагательным русские эквиваленты невозможно. Все они в своих переносных значениях описывают состояние опьянения разной степени (в основном, сильного), а различаются своими буквальными (мотивирующими) значениями, которые мы и приводим. Для производных слов в некоторых случаях, когда невозможно найти перевод, мы указываем эквивалент мотивирующего слова.

¹⁸ Объяснение предоставлено информантом – носителем английского языка.

глийские прилагательные, описывающие состояние опьянения, выражают при этом отрицательную оценку. Иными словами, язык подсказывает, что в русской культуре осуждается долгое пьянство и употребление большого количества алкоголя, которое приводит к состоянию сильного опьянения; в англоязычной культуре количество “принятого” алкоголя не имеет значения, но особое внимание уделяется состоянию опьяневшего человека. Косвенное подтверждение этому можно найти в книге К. Фокс “Наблюдая англичан” [18, с. 261–264].

Кейт Фокс пишет, что в английском обществе алкоголь играет роль катализатора эмоций. Под воздействием алкоголя с детства воспитанные не выказывать своих эмоций, традиционно крайне сдержанные в своем повседневном поведении, англичане начинают вести себя разнузданно, становятся шумными, грубыми и агрессивными. Отношение к состоянию опьянения в обществе противоречиво: с одной стороны, его опасаются и осуждают, а с другой оно желательно, поскольку именно в этом состоянии англичанин способен преодолеть свою закомплексованность и эмоциональную зажатость. Выпив, он способен грубовато и немногословно объяснить в любви. Вечерами в конце недели молодые англичане собираются в барах в центре города и вполне целенаправленно напиваются до той степени, в которой могут позволить себе демонстрировать социально неприемлемое поведение. Крайности поведения поддерживаются стереотипом, согласно которому **любое** количество алкоголя **должно** приводить к таким последствиям; поэтому, утверждает К. Фокс, даже выпив немного или получив под видом алкоголя плацебо, англичанин начинает вести себя так, как этого требует стереотип.

Еда

Еда занимает в русской разговорной речи менее важное место, чем питье алкоголя: слов этого семантического поля (*заправиться, налпаться, натрескаться, нажраться, нахлебаться, пожрать, похавать, пошамать*) значительно меньше, чем слов, относящихся к выпивке. Однако так же, как слова семантического поля выпивка, слова поля еда представляют человека, который ест слишком много, жадно или быстро, в невыгодном свете. Разговорная речь снимает различия между человеком и животным, описывая их действия одними и теми же словами: и человек, и животное *жрут*, могут *зажраться* и быть *зажравшимися*. При этом употребление слова *жрать* по отношению к животному стилистически нейтрально или

фамильярно, в то время, как употребление этих же слов по отношению к человеку чрезвычайно грубо.

Личностные качества

Жадность

Естественно, что при русской любви к хлебо-солёству одно из самых порицаемых в русской разговорной речи свойств человека – жадность и близкая к ней скупость. Дети с раннего детства знают дразнилку: “Жади́на-говя́дина-соле́ный огу́рец / на полу валяется, никто его не ест!”, которую распевают, приплясывая, вокруг того, кто не делится тем, что имеет. Жадного или скупого человека называют *единоличник, единоличница, жаба, жади́на, жадо́ба, жадо́га, жид, жсла, жлоб, жмот, куркуль, сквалыга, скряга, скупердяй*. Некоторые из этих слов устарели: слова *единоличник* и *единоличница* отражают советскую идеологию периода коллективизации (30-е годы), когда наличие индивидуального хозяйства и нежелание идти в колхоз порицалось, и такие крестьяне преследовались властью. Интересно при этом, что слово *куркуль* – исторически пренебрежительное обозначение зажиточного крестьянина, пользующегося наемным трудом (кулака), сохранилось в употреблении. *Жабой* называют и саму жадность; о человеке, не желающем дать что-то или потратить деньги на покупку, говорят *Жаба задавила (душит)!* При этом сам говорящий может иронически сказать это о себе:

Хотел купить хорошую интересную книжку “Города под водой” / но жаба задавила //; Нужно было брать джип с автоматом / а меня жаба задавила / взял с ручкой/ теперь жалею // (Запись устной речи, 2013); ...я стараюсь использовать только оливковое масло. Знаю, что оно очень полезно и в салаты его и на жарку, только иногда жаба душит, всё-таки дорогое... (Интернет-форум “Коллективный”, 2011).

Ксенофобия

Отрицательное отношение к жадности и скупости в русской культуре некоторым образом связано с ксенофобией: как черта личности жадность приписывается иностранцам и вообще нерусским людям – в частности, евреям, о чем говорят наличие значения ‘жадный человек’ у слова *жид*¹⁹, ср.:

Дядя Максим изредка звонил нам, всегда с одинаковой просьбой – выслать переводом денег.

¹⁹ О времени возникновения ассоциации между словом *жид* и такими свойствами личности как жадность см. [19, с. 163–164].

Отец, наученный горьким опытом, неизменно ему отказывал, и однажды дядя, обозвав старшего брата “жидом”, надолго пропал (М. Елизаров. Библиотекарь) и глагол *жидиться* в выражении *Не жидись!* ‘не жадничай’. В современной разговорной речи эта связь стерта, так что глагол *жидиться* может употребляться в нейтральном контексте, ср.:

Рабочий стул – обязательно хороший, чтобы спину поддерживал (опять же, лучше не жидиться и купить хороший операторский стул с высокой спинкой, но без подлокотников – потому что ребёнок обычно пытается “висеть” на подлокотнике, скособочась (Наши дети: Подростки // Интернет-форум, 2004) Иногда непонимание говорящими мотивированности слова *жидиться* приводит к возникновению абсурдных и одновременно комичных ситуаций. Одна моя знакомая рассказывала мне, что её дочь (русская) по какому-то поводу сказала своему мужу-еврею *Не жидись!* и была ошарашена тем, какой взрыв гнева и обиды это вызвало с его стороны.

Ксенофобия, существующая в некоторых слоях российского общества, выражается и прямо, целым рядом слов, обозначающих национальность: *азеры, айзеры, америкашки, америкосы, жиды, жидовня, италяшки, кацапы, китаёзы, макаронники, немчура, хачи, хачики, чурки, чучмеки, черножопые*. К старым обозначениям, выражающим враждебность к другому народу (*жиды, жидовня, италяшки, кацапы, китаёзы, макаронники, немчура, чурки, чучмеки*), прибавились относительно новые, обнаруживающие враждебность к американцам (*америкашки, америкосы*) и к жителям Средней Азии и Кавказа (*азеры, айзеры, хачи, хачики, черножопые, черные*). Кроме этих слов, появилось и в последнее время стало широко употребительным слово *нерусские*, обобщающее все эти обозначения. *Нерусский* – это не просто иностранец; это человек неславянской национальности, гастарбайтер или мигрант с Кавказа или из Средней Азии. Коннотации слова *нерусский* отражают отрицательное отношение к мигрантам и существующий в российском обществе стереотип, согласно которому выходцы из бывших южных республик Советского Союза ведут себя вразрез с нормами, принятыми в данном обществе. Слово *нерусский* может употребляться и по отношению к славянам, не имеющим российского гражданства, если их поведение раздражает говорящего. Вот характерный пример:

На автобусной станции стоит очередь за билетами. Кассир объявляет, что билеты закончились.

К очереди подходит молодой человек и говорит, что хочет продать лишний билет. Мгновенно из конца очереди выскакивает женщина славянской наружности, говорящая с украинским акцентом, и покупает билет, вызывая возмущение людей, стоявших перед ней. Одна из тех, кому не повезло, говорит “Что вы хотите? Она же *нерусская!*”

Другие тематические классы

Падение

Русская разговорная речь неожиданно уделяет огромное внимание падению в буквальном смысле слова. В “Толковом словаре русской разговорной речи” более трех десятков глаголов со значением ‘упасть’: *ахнуться, бабахнуться, бахнуть, брякнуться, бухнуться, гробануться, грохнуть, жахнуть, загреметь, звездануться, ляпнуться, навернуться, повалиться, приложиться, растянуться, рухнуть, садануться, свалиться, сверзиться, трахнуть, треснуться, ухнуть, хлопнуться, хряснуться, чебурахнуться, шандарахнуть, шарахнуть, шлёпнуться, шмякнуться* и некоторые другие. Большая часть этих глаголов — звукоподражательные: одни описывают падение с высоты с шумом (*бабахнуться, бахнуть, брякнуться, бухнуться, грохнуть, трахнуть, ухнуть, хлопнуться, хряснуться, шлёпнуться*), другие – положение, принятое телом после падения (*приложиться, растянуться*) или сам процесс падения (*навернуться, повалиться, рухнуть, сверзиться*) и боль, которая при этом возникает (*долбануться, звездануться, садануться, треснуться*).

Сопоставление с английским языком подтверждает, что внимание к падению с высоты характерно именно для русской разговорной речи. Среди английских глаголов падения (*face-plant, fall, descend, drop (down), cascade, crash, collapse, keel over, nose-dive, pitch, plummet, settle, stumble, subside, topple, trip (over), tumble, misstep*) нет ни одного, имеющего помету *slang (сленг)* или *informal (разг.)*²⁰. Почему русская и английская разговорная речь так различаются с точки зрения роли описания падения, трудно сказать.

Природа

Природе разговорная речь уделяет очень мало внимания, но есть две области, с которой связано большое количество разговорных лексем, – это грязь и холод.

²⁰ В словаре [15] помету *разг.* имеет фразовый глагол *keel over*, букв. ‘перевернуться кверху килем’.

Грязь

Грязь – существенная составляющая российской жизни. Достаточно вспомнить первую строчку стихотворения М.Ю. Лермонтова “Родина”: “*Прощай, немытая Россия...* Для русских текстов типично словосочетание *непролазная грязь*. Грязь, осенняя и весенняя распутица, бездорожье – нестареющая тема картин русских художников от 19-го в. и до современности.

Значимость грязи в российской жизни отражает и то, что слово *грязь* входит в состав топонимов: *Черная грязь* – деревня в Московской области, *Грязь* – деревня в Смоленской области, город *Грязи* в Воронежской области, название которому, согласно легенде, дал Петр Первый, у коляски которого, затянутой раскисшим чернозёмом, отвалилось колесо.

Грязь может быть темой разговоров и записей в блогах:

ВПК поднимается в области / и единственное/ что меня поражает/ это грязь//

Эта грязь / темнота в областном центре тоже действуют (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд “Общественное мнение”, 2001).

“...примерно в двух километрах от Икеи есть станция, которую пусть редко, но все же посещают электрички. Идти туда зимой неприятно, грязь-слякоть, местами вообще проселочная дорога, но зато электрички не стоят в пробках (август 2013).

Об особом характере российской грязи и о роли грязи в российской жизни писал М. Эпштейн:

“В России земля всюду, где это только возможно, норовит впитать в себя больше воды и раскваситься в болотце. Деревенские улицы давно уже превратились в заливы и побережья всемирного океана трясины. Дым и грязь – две особенности российского пространства, которые утепляют и умягчают его. Конечно, главные человеческие потребности: дыхание и ходьба – очень затрудняются дымом и грязью. Саднит в груди, ноют колени”. (М. Эпштейн. О стихиях).

В устном подкорпусе Национального корпуса русского языка слово *грязь* встречается в 215 документах (всего 308 употреблений), в то время, как слово *чистота* встречается почти в два раза реже (113 документов, 168 употреблений).

В русской разговорной речи слова семантического поля *грязь* описывают три области: грязное помещение, грязного человека и грязные вещи.

Грязное помещение – это *помойка, свалка, свинарник, хлев*. Хотя каждое из этих слов имеет свое собственное, отличное от других прямое значение (*помойка* – место, в которое выбрасывают мусор, *свалка* – место, куда свозят мусор и выброшенные вещи, *свинарник* и *хлев* – помещения, в которых содержатся домашние животные), в разговорной речи эти слова метафорически используются по отношению к любым грязным помещениям, которые используют люди.

Целый ряд глаголов описывает действия, в результате которых помещения или предметы становятся грязными: *загадить, загваздать, заляпать, замазать, замарать, замызгать, замусорить, запакостить, заплевать*. Только немногие из них указывают способ действия, при котором помещения становятся грязными, – *заляпать* ‘испачкать, разбрызгивая жидкость’, *замусолить* ‘испачкать слюной или мокрыми липкими руками’, остальные, хотя их основа содержит указание на то, в результате какого именно действия что-то становится грязным, на самом деле имеют обобщенный характер (то есть, например, *заплевать* не значит ‘сделать грязным плевками’).

Другая группа глаголов описывает действия, в результате которых грязной становится одежда или предмет: *извозюкать, изгваздать, засалить, затаскать, захватать*. Такие свойства одежды и вещей вообще, как ‘грязный’ и ‘старый’, часто сочетаются. Так, *захватанный* и *затасканный* – это не только носящий на себе отпечатки частого и длительного использования и поэтому *грязный*, но и *постаревший* от длительного употребления.

Существует и ряд обозначений неряшливого, грязного человека: *грязнуля, грязнуха, замарашка, неряха, поросёнок, свинтус, хрюшка, чумичка*. При этом можно различить обозначения человека, у которого грязный внешний вид (*замарашка, чумичка*) и слова, которые могут иметь одно из двух значений в зависимости от ситуации – ‘грязный’ или ‘устраивающий беспорядок, разводящий грязь’, например:

Неряха жуткая. Может в грязных джинсах или футболке гулять пойти, я ей говорю, что грязно же, переоденься, а она-ой, а я и не заметила (Наши дети: Подростки // Интернет-форум, 2004).

– *Вижу за стеной беспорядок, – сказал он грустно. – Всё не убрано, всё разбросано. Наверное, там, в соседней комнате, живет ужасный неряха* (Л. Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз).

В разговорной речи есть и обозначения человека, любящего чистоту: *аккуратист, аккуратистка, чистюля*, но, во-первых, их значительно меньше, чем слов, обозначающих грязного, нечестливо одетого человека, а во-вторых, эти слова часто выражают неприязнь, ср.:

Местные же дети, босоногие колхозники, приехали не подходить к чистюлям – ровесникам, одетым по-городскому (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

То, что у слов *грязнуля* и *чистюля* противопоставлены денотаты, но оценку они выражают одну и ту же, отрицательную, позволяет говорить об особенностях антонимии разговорной лексики. Эту же особенность антонимии разговорной лексики иллюстрируют и слова, характеризующие интеллект человека. Как мы видели, обозначения тупых и глупых людей (*балда, болван, дурак, идиот, кретин...*) и противопоставленные им немногочисленные обозначения людей с высоким интеллектом (*умник*) совпадают по оценке.

'Грязное' безотносительно к типу объекта характеризуется рядом прилагательных: *загаженный, задрипанный*²¹, *замызганный, замусоленный, занюханый, затасканный, зачуханный*.

В английской разговорной речи "лексика грязи" играет значительно менее значимую роль. Разговорные обозначения грязи и действия 'испачкать' отсутствуют; всего пять прилагательных с общим значением 'грязный' (*grotty* 'грязный, запущенный', *grungy* 'грязный, засаленный', *scanky* 'грязный, отгалкивающий, дешевый', *skuzzy* 'грязный, покрытый сажей', *yucky* 'грязный, противный') имеют помету "сленг".

Холод

Хотя природе разговорная речь уделяет очень мало внимания, в ней всё же находит отражение одна характерная особенность русского климата – холод. Слова семантического поля *холод* – это производные от слов *холод* и *мороз*: *холодрыга*, игровое *холодильник*, образованные с помощью увеличительных суффиксов *холодина, холодище, морозище, морозяка*; и слова, передающие ощу-

щения говорящего – онемение в конечностях и во всем теле: *дубак, дубняк* – и дрожь: *колотун*.

Жаре разговорная речь уделяет значительно меньше внимания, в частности потому, что сильная жара нехарактерна для России. Для нее есть всего несколько обозначений: *жарища, жарюга, жарынь*.

Отрицательная оценка

До сих пор в статье рассматривались слова, в значении которых в качестве одного из компонентов часто присутствовала отрицательная оценка, однако в разговорной речи есть огромное число слов, у которых отрицательная оценка – центральный и единственный компонент. Эти слова могут не иметь ограничений в сочетаемости, т.е. употребляться по отношению к любым оцениваемым объектам, а могут быть специализированными, использующимися только по отношению к объектам оценки, принадлежащим определенным тематическим классам.

Отрицательное отношение к любой ситуации говорящий может выражать целым рядом восклицаний-эвфемизмов, заменяющих матерные выражения: *блин, ёжкин кот, ёксель-моксель, ёлки-моталки, ёлки-палки, ё-моё, японский бог*. Самое распространенное из них, которое можно сейчас услышать и от малого, и от старого, – это *блин*:

У него температура поднялась// Думаю/ блин/ в реанимацию бы его надо// (Запись устной речи, 2013. Женщина 68 лет, фельдшер).

Дать отрицательную оценку любому объекту говорящий может с помощью длинного ряда прилагательных: *аховый, бредовый, гадский, голимый, дерьмовый, дрянной, дьявольский, ерундовский, заразный, идиотский, мерзопакостный, отстойный, паршивый, поганый, проклятый, противный, тупой, чёртов, чёртовский...*

Всё, что не нравится говорящему, он может характеризовать как ничтожное, не заслуживающее внимания: *жалкий, вишивый, ерундовый, завалящий, неважнецкий, никакой, никудышный, никчемный, плохонький, чепуховый*. Выразить отрицательную оценку, никак не связанную с характером объекта, могут и прилагательные, потерявшие свое исходное значение 'грязный' (*задрипанный, помойный*), ср.:

Я имел дело с приставами. Помойная организация (Запись устной речи, авг. 2013).

Специальные средства существуют для выражения отрицательного отношения к содержанию

²¹ В своем первоначальном употреблении слово *задрипанный* связано с представлением об одежде, испачканной в грязи и изодранной, ср.: **ЗАДРЕ(Я,И)ПАТЬ** *одежду, юж.* Загаскать по грязи, измарать и изорвать, отделать [12]. В современной разговорной речи оно может быть использовано по отношению к любому объекту, например, к животному или к помещению: *Какой-то он задрипанный/ помойный весь/ блудный// – Зачуханный//* (разговор о коте, которого привезли домой в Москву после лета, проведенного на даче, август 2013); *И он что/ в этой задрипанной школе/ будет учить-ся?* (запись устной речи, август 2013).

речи. Они либо описывают его как абсурдное, не соответствующее реальности (*ахиня, белиберда, бред, бредятина, вздор, галиматья, ересь*), либо как не несущее никакой информации и, соответственно, не имеющее никакой ценности: *дредбедень, ерунда, ерундистика, ерундовина, мура, фигня, хренотень, хрень, чепуха, чушь*.

В результате всего сказанного сформировалась довольно мрачная картина, и возникает вопрос – а есть ли в разговорной речи средства для выражения положительных эмоций и положительной оценки? Безусловно, есть – это такие слова, как *здо'рово, классно, круто, отпад*, но их запас невелик. Известно, что в языке отрицательная оценка выражается более дифференцированно [20] и чаще [21], чем положительная. Скорее всего, эта особенность языка связана с тем, что “плохое” как опасное для жизни и здоровья человека важнее для него, чем “хорошее”. В разговорной лексике, насыщенной оценочностью, перевес в сторону выражения отрицательной оценки еще более заметен, чем в литературном языке, в котором целый ряд смыслов выражается нейтральной лексикой.

* * *

Итак, какие выводы об особенностях разговорной лексики можно сделать на основании рассмотренного материала?

1. Разговорная лексика обслуживает все сферы существования человека, но при этом особое внимание уделяет отдельным, коммуникативно значимым областям. Семантические поля, связанные с этими областями, характеризуются чрезвычайно высоким лексическим наполнением.
2. Сопоставление русской и английской разговорной речи показывает, что коммуникативная значимость семантических полей разных языков может совпадать, но значимость отдельных тематических классов в рамках этих полей различается.
3. Разговорная речь обладает чрезвычайно развитой синонимией, однако во многих случаях эта синонимия избыточна: синонимы не выражают оттенки значений, но представляют собой просто фонетически различные обозначения одного и того же, функция которых – разнообразить речь в целях экспрессии.
4. Отношения антонимии могут иметь в разговорной лексике своеобразный характер: слова, противопоставленные по денотату, могут совпадать по оценке.

5. Русской разговорной речи свойствен серьезный “крен” в сторону описания отрицательных сторон жизни. В то время, как свойства, явления, предметы, вызывающие отрицательную оценку говорящих, имеют множество лексических обозначений, номинация противоположных, положительных явлений чрезвычайно бедна.

Я благодарю Л.П. Крысина за чрезвычайно плодотворные замечания и стимулирующие вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. [*Russkaya razgovornaya rech. Otv. red. E.A. Zemskaya* [The Russian Spoken Language. Zemskaya, E.A. (Ed.)]. Moscow: Nauka Publ., 1973.]
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968. [*Zemskaya, E.A. Russkaya razgovornaya rech. Prospekt* [The Russian Spoken Language. Materials]. Moscow, 1968.]
3. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1981. [*Russkaya razgovornaya rech. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. Otv. red. E.A. Zemskaya* [The Russian Spoken Language. General Issues. Word-Forming. Syntax. Zemskaya, E.A. (Ed.)]. Moscow: Nauka Publ., 1981.]
4. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / Под ред. Л.П. Крысина. М.: “Языки славянской культуры”, 2014. [*Tolkovyy slovar russkoj razgovornoj rechi. Vyp. 1. A-I. Pod red. L.P. Krysin* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Iss. 1. A-I. Krysin, L.P. (Ed.)]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2014.]
5. Крысин Л.П. О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем русского языка // Известия РАН. Серия лит. и яз. Т. 69. №1. [Krysin, L.P. [On Dictionary Representation of Lexical Non-Codified Subsystems of the Russian Language] *Izvestiya RAN. Seriya lit. i yaz* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. Vol. 69, no.1.]
6. Крысин Л.П. Человек в зеркале русской разговорной речи. Лексикографический аспект // *Jezyk. Tekst. Czas. Szcecin*, 2012. [Krysin, L.P. [A Person in the Mirror of the Russian Spoken Language. The Lexicographic Aspect] *Jezyk. Tekst. Czas. Szcecin*, 2012.]
7. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) // Отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. [*Russkij ideograficheskiy slovar: mir cheloveka i chelovek v okruzhayuschem ego mire (80 kontseptov, odnosyas-*

- chikhsya k dukhovnoj, mentalnoj i materialnoj sferam zhizni cheloveka*). *Otv. red. akad. N.Yu. Shvedova* [The Russian Ideographic Dictionary: Personal World and a Person in the World around him (80 Concepts Regarding Spiritual, Mental and Material Spheres of the Human Life). Shvedova, N.Yu, Akad. (Ed.)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011.]
8. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. [Dobrovolskiy, D.O. [The Figurative Component in the Idioms Semantic] *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic Inquiry]. 1996, no. 1.]
 9. Рудерман М.В. Обозначение симптомов страха в русском и арабском языках // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и её приложениям. [Ruderman, M.V. [Fear Signs Designation in Russian and Arabic] *Trudy mezhdunarodnogo seminar Dialog'2001 po kompyuternoj lingvistike i e prilozheniyam* [Proc. Int. Workgroup Dialogue' 2001 on Computer Linguistics and its Applications].]
 10. Иорданская Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. М., 1972. [Iordanskaya, L.N. [Lexicographic Description of the Russian Phrases Designated Physical Feeling-Signs] *Mashinnyj perevod i prikladnaya lingvistika. Vyp. 16* [Machine Translation and Applied Linguistic. Iss/ 16]. Moscow, 1972.]
 11. Apresjan V. Ju. 'Fear' and 'pity' in Russian and English from a lexicographic perspective. *International Journal of Lexicography*, June 1997. Vol. 10. No. 2.
 12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 2002. [Dahl, V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Russian Language of Vladimir Dahl]. Moscow: Russky yazyk Publ., 2002.]
 13. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания, 2013, № 2, с. 32 – 51. [Zaliznyak, Anna A. [Semantic transfer as an Object of Typology] *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic Inquiry]. 2013, no. 2, pp. 32–51.]
 14. Collins Thesaurus of the English language online (<http://www.collinsdictionary.com>)
 15. Новый большой англо-русский словарь / Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993–1994. [Novyj bolshoj anglo-russkij slovar. Pod obschim rukovodstvom E.M. Mednikovoj i Yu.D. Apresyana [New English-Russian Dictionary. General Editors Mednikova, E.M. and Apresyan, Yu.D.]. Moscow: Russky yazyk Publ., 1993–1994.]
 16. Collins COBUILD English language dictionary. London; Glasgo: Collins, 1990.
 17. Webster's seventh new collegiate dictionary. Springfield, Mass.: G.& C Merriam Company, 1966.
 18. Fox K. *Watching the English*. London: Hodder & Stoughton, 2005.
 19. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. [Vinogradov, V.V. *Istoriya slov* [The Words History]. Moscow, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 1999.]
 20. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002. [Volf, E.M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Estimation Semantics]. Moscow: URSS Publ., 2002.]
 21. Апресян Ю.Д. Проспект “Активного словаря русского языка”. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresyan, Yu.D. *Prospekt "Aktivnogo slovary russkogo yazyka"* [Materials on 'Active Dictionary of the Russian Language']. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2010.]